

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-97-113

С.А. Трифонова

Архив Российской академии наук,
117218 г. Москва, Российская Федерация

«Никаких верных известий из Польши мы не имеем, кроме Газет...». Неформальная коммуникация в восприятии Польского восстания 1830–1831 гг. на примере «Дневника князя Д.М. Волконского»

В статье на примере «Дневника князя Дмитрия Михайловича Волконского» рассмотрена неформальная коммуникация в период Польского восстания 1830–1831 гг. в московском аристократическом обществе. Дневниковые записи, охватывающие 30-е гг. XIX в., отложились в фонде 646 Архива Российской академии наук («Редакция журнала “Голос минувшего”»). На основе тетрадей за 1830 и 1831 гг., затрагивающих события в Польше, показано восприятие информации о «польском возмущении» типичным представителем аристократических кругов. Для автора «Дневника» неформальная коммуникация служила более значимым и достоверным источником информации, чем официальные газетные публикации. Распространение и получение информации неформальным путем приводило, на взгляд корреспондентов, к получению более полных, а в некоторых случаях – более достоверных, и «свежих» данных, которые публиковались

© Трифонова С.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

в официальных изданиях спустя некоторое время. Подобная информация распространялась, прежде всего, в частных письмах и при личных встречах. Часть ее была наполнена слухами, которые воспринимались автором рассматриваемого эго-документа критически и зачастую опровергались на тех же страницах. В отличие от официальных сообщений, неформальные данные содержат личное мнение автора, отражающее общественные настроения в период «польского возмущения».

Ключевые слова: источники личного происхождения, дневник аристократа XIX века, неформальная коммуникация, Польское восстание 1830–1831 гг., князь Дмитрий Михайлович Волконский

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Трифонова С.А. «Никаких верных известий из Польши мы не имеем, кроме Газет...». Неформальная коммуникация в восприятии Польского восстания 1830–1831 гг. на примере «Дневника князя Д.М. Волконского» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 97–113. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-97-113

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-97-113

S.A. Trifonova

Archive of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 117218, Russian Federation

“We do not have any reliable news from Poland except for Newspapers...”. Informal communication in the perception of the Polish Uprising of the 1830–1831 on the example of “The Diary of Prince D.M. Volkonsky”

The article uses the example of “The Diary of Prince Dmitry Mikhailovich Volkonsky” to examine informal communication during the Polish Uprising of 1830–1831 in the Moscow aristocratic society. Diary entries covering the 30s of the XIX century were deposited in the fund 646 of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Editorial Board of the journal “Voice

of the Past”). On the basis of notebooks for 1830 and 1831 concerning events in Poland, the perception of information about “Polish indignation” by a representative of aristocratic circles is shown. For the author of the “Diary”, informal communication served as a more significant and reliable source of information than official newspaper publications. The distribution and receipt of information in an informal way led, in the opinion of correspondents, to obtaining more complete, in some cases more reliable, and “fresh” data, which were published in official publications after some time. Such information was distributed, first of all, in private letters and in personal meetings. Part of it was filled with rumors that were perceived critically by the author of the ego-document in question and, often, were refuted on the same pages. Unlike official reports, informal data contains the author’s personal opinion, reflecting the public mood during the period of “Polish indignation”.

Key words: sources of personal origin, diary of a 19th century aristocrat, informal communication, the Polish Uprising of 1830–1831, Prince Dmitry Mikhailovich Volkonsky

FOR CITATION: Trifonova S.A. “We do not have any reliable news from Poland except for Newspapers...”. Informal communication in the perception of the Polish Uprising of the 1830–1831 on the example of “The Diary of Prince D.M. Volkonsky”. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 97–113. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-3-97-113

Информационная составляющая – один из главных критериев при отборе исторических источников. Однако информированность автора документа может быть различной по объему и достоверности. Насколько ценны источники личного происхождения в связи с содержащимися в них данными и насколько важна личная позиция автора и его окружения – всегда было и остается на сегодняшний день одним из актуальных вопросов исторической науки. Несомненно, личная позиция человека той или иной эпохи представляет особый интерес при изучении общественной позиции, восприятия современниками конкретных событий или политики государственных деятелей, интерпретации этих событий в соответствии с частным мнением.

Цель данной работы – рассмотрение неформальной коммуникации в период Польского восстания 1830–1831 гг. на примере «Дневника князя Д.М. Волконского». Насколько та информация, которую получали аристократические круги Москвы в 1830-х гг., соответствовала действительности, соотносилась с официальной документами и реальными событиями? Если не рассматривать «партикулярные» данные как слухи,

насколько достоверна информация, получаемая гражданскими чиновниками, принадлежащими к аристократическим кругам? В этой связи особый интерес представляет именно «Дневник Д.М. Волконского», сенатора, отставного военного, для которого внешнеполитические события, различные волнения внутри империи становятся близким и знакомым по служебной деятельности предыдущего периода жизни.

«Дневник князя Д.М. Волконского» представляет интерес в связи с поставленной целью, т.к. на сегодняшний день он полностью не введен в научный оборот. Не исследованы те части источника, которые не относятся к событиям 1812–1814 гг. Охватывающий период более тридцати лет «Дневник» отложился в трех архивных хранилищах – Российском государственном архиве литературы и искусства¹, Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Петербурге², Архиве Российской академии наук³ (РАН). Изначально дневник состоял из 42 тетрадей, но сохранились только 28. Из этих 28 тетрадей полностью введены в научный оборот тетради с записями о 1812–1814 гг. и частично записи, относящиеся к М.Н. Волконской (в замужестве Толстой), двоюродной сестре автора документа.

Первым исследователем, обратившимся к этому уникальному эго-документу, был С.П. Мельгунов, который опубликовал в начале прошлого столетия небольшие фрагменты в журналах «Голос Минувшего» и «На чужой стороне». Его прежде всего интересовали темы осады Данцига в 1813 г., анекдотические истории, связанные с императором Александром I, А.В. Суворовым, и события, которые нашли свое отражение в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» [1–5; 8]. Спустя более полувека этот же источник привлек внимание А.Г. Тартаковского, опубликовавшего часть «Дневника» за 1812–1814 гг. [6]. Многочисленные сюжеты, посвященные повседневной жизни дворян и их рефлексии по поводу современных им событий, остались за пределами интересов исследователей. Можно назвать только работу автора данной статьи [7].

Дневниковые записи, охватывающие 1930-е гг., отложились в фонде 646 РАН («Редакция журнала “Голос минувшего”»)⁴. К сожалению, это десятилетие представлено не полностью – тетрадь за 1832 г. не сохранилась. Тем не менее, сохранившиеся записи насыщены

¹ Волконский Д.М. Дневник // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337 (Коллекция воспоминаний и дневников). Оп. 2. Д. 9.

² Волконский Д.М. Дневник // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 775 (Собрание А.А. Титова). Оп. 1. Д. 4860.

³ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 346, 348–350.

⁴ Там же. Д. 350.

событиями как личного характера, так и теми, которые волновали представителей аристократического сословия в этот период. Одним из таких важных событий стало Польское восстание 1830–1831 гг. Являясь частью Российской империи, Царство Польское⁵ так и не стало восприниматься современниками как «своя» территория. Оно находилось в их восприятии в пограничном положении, а потому все события, происходящие на этой территории, рассматриваются и оцениваются как явления внешнеполитические, выстраиваясь в один ряд с «волнениями» во Франции, Бельгии и др. Рассказывая о подобных «волнениях», Волконский, как и большинство людей из его окружения, доверяет не только газетным публикациям и официальным рескриптам. Самыми авторитетными для него источниками являются сообщения очевидцев или известия, полученные от знакомых и родственников. Единственным непререкаемым авторитетом в этом информационном потоке официальных и частных сообщений становятся изданные Высочайшие «Манифесты», подтверждая все то, что уже и так стало ему известно.

Рассматривая период Польского восстания в дневниковых записях Волконского, можно говорить о том, что неформальная коммуникация в первой трети XIX в. была распространенным явлением. По ежедневным записям можно проследить ход событий в Европе практически в «реальном времени», лишь с небольшими задержками, необходимыми для получения писем. По сути дела, из этих записей мы получаем хронологию событий восстания, включая его причины, повод, и общественный отклик, которое оно вызвало в высшем сословии России.

Впервые события, связанные с «волнениями» в Польше, находят отражение в «Дневнике» 31 октября 1830 г.⁶: «Слышно, что многие войска наши двинуты к границам, также и Корпуса Команды В[еликого] К[нязя] Константина Павловича; полагают, [что это сделано] для умирения Бельгии, в помощь голландского Короля (так в тексте. – С.Т.)»⁷. Нет еще никакого упоминания о самом восстании, нет выводов, размышлений, к чему это может привести, есть только пересказ событий, о которых

⁵ Царство Польское – в апреле-ноябре 1815 г. часть Российской империи, с ноября 1815 г. – политико-территориальное образование практически со всеми элементами собственной государственности (за исключением права ведения самостоятельной внешней политики), связанное с Россией общим монархом (российский император принял титул царя польского). С 1832 г. – нераздельная часть Российской империи, до 1860-х гг. сохраняло элементы автономии.

⁶ Все даты в «Дневнике» даны по старому стилю. Орфография и пунктуация в цитатах приведены к современным правилам, но в некоторых случаях, для передачи письменного стиля XIX в., сохранены особенности написания отдельных слов и выражений.

⁷ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 20.

узнал Волконский. Вводное слово «слышно» не дает никакого представления, откуда князем получены известия – из писем родных или знакомых, из газет или при личной встрече с кем-либо. Однако это «слышно» употребляется им на протяжении всего дневника применительно как к официальным известиям, так и полученным неформальным путем, и поэтому воспринимающихся автором как достоверное известие. Действительно, запись от 31 октября подтверждается в т.ч. и официальными сообщениями, опубликованными в «Северной пчеле» от 28 октября: «Государь Император изволил признать за благо Высочайше повелеть, чтобы ныне же приступлено было к приведению в военное положение Корпусов... и состоящей под начальством Его Императорского Высочества Цесаревича... Армии... повелено сблизить оные к западным границам Империи. Корпуса сии находятся уже в походе к предназначенным им местам»⁸. Являлась ли «Северная пчела», имеющая, по сути, монополию на распространение официальных новостей, источником достоверной информации для Волконского, сказать нельзя, но новости он получал из тех же источников, что и редакция газеты, следовательно, обладал такой же, если не более полной информацией.

До конца осени, рассказывая о поводе к польскому восстанию, Волконский перемежает сведения, полученные от близких знакомых, со сведениями из официальных документов и слухов, ходящих по Москве. Он тщательно отделяет «слухи» от того, что называет «слышно», и если первые оказываются ложными, тут же опровергает их. Дела же внешней политики, естественно, являются предметом обсуждения московских аристократов: «...вечер провел у Корсакова⁹, там слышно, что в Лондоне, также, как и во Франции, народ шумит... говорят также, что Союзные державы¹⁰ трактуют в Лондоне о участии Бельгии и посылали их (войска. – С.Т.) унять до решения об них, то тамошнее временное Правительство не уважает участия держав союзных и угрожает присоединиться к Франции, ежели вмешаются в их дела»¹¹.

Несмотря на то, что «беспорядки» в Варшаве начались 17 ноября, регулярные упоминания о событиях, связанных с Польским восстанием, появляются в начале декабря 1830 г. и продлятся до конца следующего года. Это стало единственным важным событием, о котором пишет

⁸ Внутренние известия. Санкт-Петербург, 27 октября // Северная пчела. СПб., 1830. № 129. С. 1.

⁹ Корсаков Семен Николаевич (1787–1853) – служил в статистическом отделении Министерства внутренних дел, с 1835 г. – чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел.

¹⁰ Австрия, Великобритания, Пруссия, Россия, Франция.

¹¹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 22 об.

Волконский, помимо его хозяйственных, денежных и семейных дел, точно так же, как предыдущий год был посвящен важному событию жизни государства – распространению холеры. Восстание в такой беспокойной части империи, как Царство Польское, не могло не заинтересовать представителя аристократических кругов. Кроме того, можно предположить, что несомненный интерес у автора «Дневника» события в Польше вызывают еще и потому, что в период Наполеоновских войн, находясь в армии, он служил в Варшаве, а знакомые места, такие, как Польша или Грузия, известные ему не понаслышке, вызывают пристальный интерес и сопровождаются личными комментариями.

2 декабря 1830 г. Волконский впервые пишет о «волнениях» в Варшаве: «узнали мы, что в Варшаве было возмущение, и несколько Генералов, и Полковых Командиров убиты; и будто наиболее действовали молодые Люди, унтер-офицерских чинов; великий Князь, говорят, с полками вышел из Варшавы, и войска уже туда посланы: Господи, избави отечество наше от таковых возмущений!»¹². С этого времени тема восстания во всех его проявлениях и в распространении на территории империи не покидает страниц «Дневника». Автор описывает не только сами события, но и выражает тревогу, переживания, сожаления и личное мнение, которыми он, по всей видимости, делился со своим ближайшим окружением. Однако касающихся «польского возмущения» писем Волконского этого периода не обнаружено, и на данный момент «Дневник» остается единственным источником, дающим представление о неофициальной реакции на восстание типичного представителя московской аристократии.

По всей видимости, газеты, как и в период холеры в Москве, читаются теперь регулярно. В дневнике появляется оборот речи «узнали мы из Газет», который до этого практически не встречается. Так, например, в записи от 9 декабря 1830 г. сказано: «узнали мы из Газет, что не токмо в Варшаве не утихают мятежи и бунты, но что Президент Совета Граф Замойский¹³ принужденным нашелся оставить Варшаву и приехать в Брест Литовский; а великий Князь, хотя и получил в подкрепление 2 Полка из Корпуса Литовского, под Командою Генерала Розена¹⁴, но принужденным нашелся отступить к границе Вольни»¹⁵.

¹² Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 23 об.

¹³ Замойский Владислав Станислав (1803–1868) – граф, государственный деятель, дипломат, участник восстания в ноябре 1830 г. Последовательно – полковник польских войск, дивизионный генерал турецких войск, британский генерал.

¹⁴ Розен Григорий Владимирович (1782–1841) – барон, участник наполеоновских войн, генерал от инфантерии (1826 г.).

¹⁵ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 24.

В тот же день автор добавляет явно узнанное не из официальных источников: «слышно также, что и Прусский Король послал в Позень¹⁶ 40 тысяч Войска для укрощения и там волнения»¹⁷.

Какие газеты были источником информации для автора – «Московские ведомости», «Северная пчела», присылаемые иностранные издания – установить точно невозможно. Об этом нет никаких упоминаний в тексте поденных записей и нет ни одного упоминания в бумагах князей Волконских¹⁸. «Северная пчела», прежде всего «газета новостей», а не «газета мнений», упоминается в «Дневнике» лишь однажды и то безотносительно к официальным новостям. Тем не менее, т.к. именно «Северная пчела», как уже сказано выше, была, по сути, монополистом официальных новостей, можно предположить, что она входила в круг чтения сенатора по 6-му Московскому Департаменту. Несмотря на то, что к газетам в начале XIX в. отношение у читателей было уже как к явлению привычному, обыденному, на протяжении более года, делая записи в «Дневнике», Волконский крайне редко ссылается на новости, полученные из печатных изданий. Возможно, оборот «по объявленным известиям» также имеет отношение к официальным публичным данным, которые печатались в т.ч. и в газетах, но даже при таком допущении их небольшое количество. Более того, в записи от 19 января 1831 г. автор разделяет «верные» известия и газетные новости: «Никаких верных известий из Польши мы не имеем, кроме Газет, в которых описывают, как хотят, их (поляков. – С.Т.) положение, а паче их жалобы, как видно важны[e] и нестерпимы[e]»¹⁹. Тут же автор традиционно добавляет то, что узнал не из официальных новостей: «Слышно, что уже и военные действия начались»²⁰.

Иногда газетные новости возникают на страницах поденных записей как новости из «вторых рук», не прочитанные самим Волконским, а переданные ему знакомыми или родственниками. Например, 28 июня 1831 г., находясь в своем имении Андреевское Ярославской губернии, он писал: «У меня были соседи и ужинали, сказывают, что уже читали в Газетах, что Цесаревич Константин Павлович в Витебске 15-го числа скончался холерою»²¹. Новость продолжается традиционно –

¹⁶ Немецкое название польского города Познань.

¹⁷ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 24.

¹⁸ Документы князей Волконских // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1366 (Волконские). Оп. 1.

¹⁹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 27.

²⁰ Там же.

²¹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 37 об.

пересказом того, что стало известно из других источников информации: «В народе много толков о его кончине, будто и убит. Помяни господи Душу его!»²².

Однако рассматривая появление в записях известий из Польши, можно говорить о том, что данные преимущественно получали частным образом, т.к. их помещение на страницах газет и «Дневника» иногда совпадает по времени. 13 декабря 1830 г. Волконский записал в дневнике: «Обстоятельных сведений еще по сие время нет от В[еликого] К[нязя] о варшавском возмущении, а партикулярно слышно, будто поляки учредили у себя временное правительство, в коем Князь Чарторыйжской²³, Любецкой²⁴ и некто Хлопко²⁵, но управляют именем Государя и будто послали Депутацию в П[етер]бург, и требуют соединения всей Польши, и точного исполнения Конституции; чем же все сие кончится, неизвестно»²⁶. В тот же день во втором прибавлении к «Северной пчеле» появляется подтверждающая часть этой записи официальная информация: «Его Величество Государь Император, усмотрев из донесения Его Императорского Высочества Цесаревича, что Министр Финансов Царства Польского Князь Любецкий и Депутат на Сейме Царства Польского Граф Езерский²⁷ едут из Варшавы в С. Петербург, Высочайше повелеть изволит остановить их в Нарве...»²⁸. И остальная часть дневниковой записи князя в более поздний период подтвердилась.

Зачастую полученные от знакомых, очевидцев событий, сослуживцев и т.п. сведения все-таки приходили с опозданием, да и степень достоверности у них также различная. Есть данные, которые в силу того, что были получены от лиц, близких к официальным кругам, являлись достоверными, сообщали даже более, чем «Прибавления» к «Северной

²² Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 37 об.

²³ Чарторижский (Чарторыйский) Адам Ежи (1770–1861) – князь, русский и польский государственный деятель, несостоявшийся претендент на королевский престол Польши.

²⁴ Любецкий Франтишек Ксаверий (1778–1846) – князь, политический деятель, участник Итальянского похода А.В. Суворова. С 1821 г. – министр финансов Царства Польского.

²⁵ Вероятно, в данном случае имеется в виду Хлопицкий Юзеф Гжегош (1771–1854) – польский генерал, сражавшийся под знаменами Наполеона. В начале польского восстания был назначен командующим польскими войсками и занимал должность диктатора.

²⁶ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 24.

²⁷ Езерский Ян (1786–1856) – граф, предводитель Люблинского воеводства. Сопровождал Ф. Любецкого в его поездке в Петербург, целью которой было нахождение компромисса с императором Николаем I.

²⁸ Второе прибавление к № 149 «Северной пчелы» // Северная пчела. СПб., 1830. № 149. С. 7.

пчеле». На них автор ссылается в своих записях, употребляя все те же «слышно», «узнали мы», «сообщают». Крайне редко можно прочесть, кто сообщил ему какую-либо информацию и откуда она была взята. Иногда это короткие замечания между сообщениями о распространении холеры и ценах на хлеб: «Слышно, что Гвардия уже выступила из П[етер]бурга в поход»²⁹, но чаще он останавливает свое внимание на интересных для него фактах дольше и подробнее описывает то или иное событие.

Среди обстоятельных, по меркам «Дневника», записях о Польском восстании выделяются, по сути, три основные темы: события в Варшаве, связанные с формированием нового Польского правительства, военные действия между польскими и русскими войсками и третья – личное мнение и размышления автора о причинах, приведших к этим событиям. Первая и вторая тема в большинстве случаев подтверждается официальными документами. Это, прежде всего, говорит о прекрасно налаженных каналах распространения достоверной информации неформальными средствами среди аристократов в первой трети XIX в.

Темы формирования нового Польского правительства, противоборства в Польше различных партий и командования Польской армией не входят в противоречие с реальными событиями. Только сообщает их Волконский в своем «Дневнике» с временным запозданием. Декабрьские события борьбы между Чарторыйским, сеймом и Хлопицким князь описывает лишь 13 января 1831 г.: «Слышно, что в Варшаве разные Партии, несогласные между собою, умножают только волнение в народе и беспорядки»³⁰, а затем, 16 января, добавляет: «Слышно, что в Варшаве ожидают решения нового Сейма, который собирает их Диктатор Генер[ал] Хлопицкий вследствие воззвания к ним, посланного от Государя и, ежели не покорятся, то войска пойдут действовать»³¹. Тема деятельности Хлопицкого не покидает страниц «Дневника» весь январь 1831 г., его имя фигурирует значительно чаще, чем Чарторыйского или кого-либо другого. 23 января Волконский записывает: «Хотя не официально, но говорят, будто на последнем Сейме Хлопицкий отказался от Диктаторства, и Поляки совсем нарушили присягу и отказались признавать нашего императора своим царем»³². Эта «неофициальная» информация была получена автором оперативно, ее подтверждение

²⁹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 24 об.

³⁰ Там же.

³¹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 27.

³² Там же. Л. 27 об.

можно найти на страницах дневника уже за 3 февраля, когда князь пишет об объявленном Манифесте и тех событиях, которые к этому привели³³.

В соответствии с поденными записями, нельзя увидеть определенной временной закономерности в получении неформальных известий. Некоторые события он фиксирует спустя 10 дней, а некоторые значительно быстрее. Иногда в записи за одно число может содержаться информация с разницей в несколько дней. Например, 31 января 1831 г. заметка князя рассказывает о событиях как 20 января, так и происходивших спустя пять дней: «Разные Партии и все не согласные не согласились на требование Государя и, говорят, выбрали особого Главнокомандующего Князя Михаила Радзивилла³⁴... а Князя Адама Чарторыйского управляющим всею гражданскою частью»³⁵. При этом он особо подчеркивает свою осведомленность: «Вот последние, но еще не официальные известия из Петербурга...»³⁶, как и в большинстве случаев, не указывая источник полученных им «известий».

К теме деятельности Хлопицкого Волконский возвращается еще только один раз – 2 марта 1831 г., отмечая отсутствие нормального командования в Польской армии: «Есть известие из Армии, что Хлопицкий сильно ранен и не может уже располагать (т.е. командовать. – С.Т.) их Арми[е]ю»³⁷. Тема военных действий особо близка автору, а потому и многочисленна при описании «Польского возмущения» в поденных записях. С большинством действующих лиц этих событий он знаком лично. Территория также хорошо ему известна по войне четвертой коалиции 1806–1807 гг. Во многом записи о передвижениях армий, сражениях, численности войск и пр. напоминают ту часть дневника, которую вел Волконский, находясь на военной службе. Однако в отличие от того времени, в 1830–1831 гг. крайне редко встречается оценка действий военачальников и, тем более, осуждение какой-либо из сторон этого конфликта. Еще одно отличие в описании военных действий заключается в том, что в случае польского восстания автор упоминает источники своей информации. Кроме привычных «слышно», «узнали», «по известиям», за которыми не следует какой-либо конкретики, появляются

³³ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 28 об.

³⁴ Радзивилл Михаил Гедеон (1778–1850) – князь, польский государственный деятель. В 1831 г. непродолжительное время занимал пост главнокомандующего Польской армией.

³⁵ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 28.

³⁶ Там же.

³⁷ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 30 об.

реляции, письма от его сына (М.Д. Волконского), служившего в Петербурге, свидетельства непосредственных участников событий. С последними в этот период он встречался лично редко, в основном, это были свидетельства по переписке. Даже по коротким замечаниям в дневнике видно, что эти письма не были отчетами о военной кампании. Это обыденная привычная переписка между родственниками и знакомыми, которые пишут друг другу, когда возникает okazия для отправки письма: «Писал я Князю Дмитрию Алекс[андровичу]³⁸ в Торопец с его офицером Тацовым, Архангелогородский Полк его выступает 30-го, сего месяца, весь из рекрут, и после турецкой войны³⁹ старых солдат осталось у него не более 300 человек. Послал я ему два Псалма из Псалтыря, прося Господа бога о хранении его невредима в предстоящих ему военных действиях»⁴⁰. Тем не менее, сведения, получаемые Волконским, подробные, т.к. в его записях о ходе военных действий постоянно присутствует точное и детальное описание и численного состава обеих армий и их вооружения. Даже в таких данных он больше доверяет не официальным источникам, сомневаясь в их достоверности: «Из сей реляции ничего еще решительно не видно, с обеих сторон много теряют Людей. В сем последнем сражении показано убитых 1000 человек, да раненых 3000 человек»⁴¹.

Другая часть известий, получаемых Волконским, не претендует на достоверность, он сам называет ее не иначе как «слухи». Эти «слухи» четко отделяются от того, что он называет «достоверные слухи», которые, с его точки зрения, заслуживают доверия. То, что он именует просто «слухи», носит скорее негативный характер. Как правило, сразу после того, как они приводятся на страницах дневника, следует их опровержение. Это может быть сделано в записи и за одно число или спустя несколько дней, либо более поздними вставками на полях. Так, записи за 11 и 13 февраля 1831 г. опровергают одна другую: «11-го, сегодня распространился слух здесь, что Посол французский Duc de Mortemart⁴² едва приехал, на Первой аудиенции объявил Государю участие Франции в Польских делах, и что он проезжал через Варшаву. Таковое объявление неприязненное Франции побудило Государя отпустить французского

³⁸ Волконский Дмитрий Александрович (1790–1838) – князь, генерал-майор, участник Наполеоновских войн и войн с Турцией.

³⁹ Имеется в виду русско-турецкая война 1828–1829 гг.

⁴⁰ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 27.

⁴¹ Там же. Л. 30.

⁴² де Рошешуар Казимир-Луи-Викторниен (Casimir-Louis-Victorien de Rochechouart), герцог де Мортемар (1787–1875) – французский генерал и дипломат. Был послом в России в 1828–1833 гг.

Посла обратно, и он уже выехал из Петербурга»⁴³. 13 февраля добавлено: «Видел я приезжего из П[етер]бурга и он удостоверил меня, что французский Посол при нем имел аудиенцию и не помышлял о выезде. Вот какие здесь ложные слухи распространяются в Публике»⁴⁴. Это непереносимое сетование автора о распространении ложной информации на протяжении всего дневника более чем за 30 лет становится обязательным условием при упоминании им любых видов недостоверных, с его точки зрения, сведений. Иногда князь не настолько резок в своих высказываниях, он просто констатирует ложность какого-либо «слуха»: «Пронесся здесь слух, будто все военные действия прекращены с Поляками, вследствие каких-то Переговоров и участия Союзных держав, но достоверного сему известия нет, и оно совсем не подтвердилось»⁴⁵. Иногда это «не подтвердилось» заменяется оборотом «ничто не исполнилось».

Как уже было сказано, непререкаемым авторитетом для Волконского являлись Высочайшие манифесты, о выходе которых он сообщает на протяжении всего «Дневника». Период «возмущения в Польше» не становится исключением, хотя упоминаний о них не так много. Даже в случае с такими неопровержимыми источниками, в соответствии с текстом его записей, нет данных, что они прочитывались автором в газетах. Волконский знакомился с их содержанием либо в общественных местах, возможно, даже в Сенате, либо узнавал о них из «вторых рук». Единственный раз за этот период он употребляет выражение «вышел Манифест» применительно к начальному периоду Польского восстания – 22 декабря 1830 г. «Вышел Манифест противу возмущения в Польше и Декларация Полякам всего царства Польского»⁴⁶. Вероятнее всего, Волконский имел в виду манифест Николая I, вышедший в «Северной пчеле» в «Прибавлении» к № 149 за 13 декабря 1830 г.⁴⁷, а «Декларацией» он назвал опубликованное в том же номере «Воззвание к войскам и народу Царства Польского»⁴⁸, т.е. спустя более недели после публикации. Однако Высочайший манифест от 25 января о вступлении действующей армии в пределы Царства Польского для усмирения мятежа им ни разу не упоминается.

⁴³ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 29.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 33.

⁴⁶ Там же. Л. 24 об.

⁴⁷ Прибавление к № 149 «Северной пчелы» // Северная пчела. СПб., 1830. № 149. С. 5–6.

⁴⁸ Там же. С. 6.

В остальных случаях манифесты, по его словам, «объявлены» или «читаны». После рассказа о правительственных актах автор всегда добавляет какие-либо факты, узанные им в тот же период. Например, говоря о манифесте о начале военных действий против Польши, в записи от 3 февраля он отмечает, что слышал про военный парад в Варшаве, об отпевании повешенных в Петербурге декабристах и пр. Или 8 февраля сообщает: «Читан Манифест и было молебствие о начатии военных действий против Поляков»⁴⁹, имея в виду все тот же манифест, о котором он сообщал 3 февраля. Здесь же он добавляет о движении и численном составе русской армии, вошедшей в Польшу. Автора интересуют и манифесты, к которым он всегда относился с большим вниманием, т.к. они касались его самого как помещика Ярославской и Симбирской губерний – объявления о рекрутских наборах. На протяжении всего дневника, упоминая об этих наборах, Волконский сетует на неудобство и «тягостность» этих мероприятий. Также и 5 февраля он пишет: «Говорят, что уже есть Манифест с 1-го Марта о наборе рекрутов по 3 с 500 душ, мерою в 2 вершка, но не моложе 20 лет, что по счету составит 120 тысяч» и тут же подсчитывает, что последний набор составил 80 тыс., а затем уже традиционно сокрушается: «Оба сии набора должны исполниться в течении шести месяцев, что крайне тягостно всему народу»⁵⁰.

Последний манифест «об усмирении царства Польского», в действительности называвшийся «Высочайший Манифест о прекращении военных действий в Царстве Польском», подписанный императором 6 октября 1831 г., упоминается князем между делом, одной короткой строчкой спустя неделю после его подписания, когда «польское возмущение» перестает его интересовать и он возвращается к обыденным повседневным делам⁵¹.

В этот период Волконского интересуют не только те манифесты, которые относятся к «польским делам», не только военные действия и события в Варшаве. На протяжении более года на страницах дневника время от времени возникают мысли о причинах этого восстания. С одной стороны, это дневниковые записи, которые не предполагали публичного прочтения, а с другой, сравнивая письма автора с этими записями, можно говорить о том, что дневник, вероятно, служил источником для написания писем родным и «приятелям». Среди этих заметок личного характера выделяется его отношение к политике Александра I

⁴⁹ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 29.

⁵⁰ Там же. Л. 28 об.

⁵¹ Там же. Л. 46.

и вел. кн. Константина Павловича. С начала восстания он пишет, что «излишние требования воинской Экзерциции, т.е. Капральство нынешнее сделалось нестерпимо», возлагая всю вину на великого князя: «Возмущение, кажется, было в Варшаве не общее, но Личное на особу великого Князя Константина Павловича, от недовольных им по службе»⁵². И справедливости ради добавляет: «отчасти также видно действовали не по Конституции здесь»⁵³ – мнение, распространенное в 1830-х гг., следовательно, этим высказыванием Волконский выражал неофициальное настроение определенных кругов аристократического сословия.

Другое дело его отношение к политике Александра I. В поденных записях, особенно после выхода автора в отставку, часто встречается оценка действий Александра I, сделанных как при жизни императора, так и после его смерти. Зачастую делается акцент именно на негативных чертах политики монарха. Так и в оценке причин Польского восстания Волконский возвращается к окончанию Наполеоновских войн: «Невероятно, какое было ослепление покойного Государя устроить царство Польское совсем против России, даже завести у них на свой счет литье пушек, пороховые и ружейные»⁵⁴ заводы, выбрать всех поляков из российской Армии и соединить их в один Литовский Корпус»⁵⁵.

В этой оценке политики покойного императора князь рассматривает его деяния глобально, в контексте международного положения после Наполеоновских войн. Он обращает внимание на последствия принятых решений по вопросам международного устройства для многих европейских стран, ставя Польшу в один ряд с Италией, Бельгией и пр., возлагая всю вину именно на Александра I. «Достоинно заметить, что покойный Государь Александр 1-й, составя священный Союз, убедил и прочих союзных ему Государей, на весьма ошибочное, и неудоботерпимое долгое время Постановление Конгресса, Самовластно не токмо подчинить и отдать во владение народы другим нациям, но даже соединять народные антипатии долговременные, а именно, присоединить поляков к Российской Державе, устроя ее (т.е. Польшу. – С.Т.) царством на счет явной безыгодности России. Бельгию соединить с Голландией, и, наконец, Италию с Австрией»⁵⁶. После этого пассажа Волконский делает свой

⁵² Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 23 об.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Подчеркнутые слова подчеркнуты в тексте документа.

⁵⁵ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 24 об.

⁵⁶ Там же. Л. 31.

традиционный вывод: «Таковая то ошибочная Политика, и Самовластие ныне производит народные волнения»⁵⁷.

Не всегда Волконский одобряет в своих поденных записях и деятельность правительства Николая I. Даже в личных дневниковых записях он никогда открыто не выражает недовольства его действиями, в отличие от времени правления Александра I. Однако и среди этих «сдержанных» записей просматривается некоторое сочувствие к полякам и неодобрение действий властей: «Слышно, что Армия Польская уничтожена и Мундир Польской уже заменяется российским, чем все, конечно, Поляки крайне недовольны и крайне оскорблены. А паче всего что дана всем бывшим в Варшавском штурме такая же медаль, какую давал Полякам Наполеон с Латинскою надписью *Virtuti Militari* («За воинскую доблесть». – С.Т.)»⁵⁸.

Таким образом, говоря о периоде Польского восстания или русско-польской войны 1830–1831 гг. в восприятии аристократических кругов, можно отметить, что неформальная коммуникация служила не менее значимым и достоверным источником информации, чем официальные газетные публикации. Подобная информация распространялась, прежде всего, в частных письмах и при личных встречах. Часть ее была наполнена слухами, которые воспринимались автором рассматриваемого «Дневника» критически и, зачастую, опровергались на тех же страницах. В отличие от официальных сообщений, данные неформальные содержат личное мнение автора, которое отражает общественные настроения в период «польского возмущения».

Библиографический список / References

1. Мелочи: Генералиссимус Суворов (из дневника кн. Д.М. Волконского, май 1833) // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. VI. С. 156. [Trivia: Generalissimo Suvorov (from the diary of Prince D.M. Volkonsky, May 1833). *Na chuzhoy storone*. Berlin; Prague, 1924. Vol. VI. P. 156. (In Rus.)]
2. Мелочи: К характеристике Александра I. Старая икона // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. VI. С. 100. [Trivia: On the characterization of Alexander I. An old icon. *Na chuzhoy storone*. Berlin; Prague, 1924. Vol. VI. P. 100. (In Rus.)]
3. Мелочи: Реформа Николая I. Либерализм Александра I // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. VIII. С. 294. [Trivia: The Reform of Nicholas I. Liberalism of Alexander I. *Na chuzhoy storone*. Berlin; Prague, 1924. Vol. VIII. P. 294. (In Rus.)]

⁵⁷ Дневник князя Д.М. Волконского 1812–1834 // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 350. Л. 31.

⁵⁸ Там же. Л. 53 об.

4. Мельгунов С.П. Исторические прообразы героев «Войны и мира» // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1925. Vol. X. С. 29–36. [Melgunov S.P. Historical prototypes of the heroes of “War and Peace”. *Na chuzhoy storone*. Berlin; Prague, 1924. Vol. X. Pp. 29–36. (In Rus.)]
5. Мельгунов С.П. Русские под Данцигом: Из дневников Д.М. Волконского // Голос Минувшего. 1916. № 5–6. С. 286–300. [Melgunov S.P. Russians under Danzig: From the diaries of D.M. Volkonsky. *Golos Minuvshego*. 1916. № 5–6. Pp. 286–300. (In Rus.)]
6. Тартаковский А.Г. Д.М. Волконский // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 114–185. [Tartakovskij A.G. D.M. Volkonsky. *1812 god... Voennye dnevniki*. Moscow, 1990. Pp. 114–185. (In Rus.)]
7. Трифонова С.А. Партикулярные поездки русского барина: путешествие князя Д.М. Волконского в свои имения в 1830 г. // Россия и современный мир. 2021. № 2. С. 14–28. [Trifonova S.A. The Particulars trips of a Russian gentleman: The journey of Prince D.M. Volkonsky to his estates in 1830. *Russia and the Contemporary World*. 2021 No. 2. Pp. 14–28. (In Rus.)]
8. Французы в Москве. 1812 год (из дневника кн. Д.М. Волконского) // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Т. V. С. 180–184. [The French in Moscow. 1812 (from the diary of Prince D.M. Volkonsky). *Na chuzhoy storone*. Berlin; Prague, 1924. Vol. V. Pp. 180–184. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 23.03.2021, принята к публикации 24.06.2021
The article was received on 23.03.2021, accepted for publication 24.06.2021

Сведения об авторе / About the author

Трифонова Светлана Александровна – научный сотрудник отдела учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук, г. Москва

Svetlana A. Trifonova – scientific researcher at the Department of Accounting and Preservation of Documents, Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: trifonova_s@mail.ru